

На следующий день я привел себя в божеский вид, собрал художественные принадлежности и, немного подумав, прихватил с собой пару защитных амулетов в парчовых мешочках-саше. Купив по дороге свежих фруктов, я направился напрямик в мастерскую.

Раз уж старик сам пригласил меня, заявляться с пустыми руками было как-то неловко. В эти мешочки я вложил обереги собственного изготовления. Пусть сила у них была весьма средней, но на тот момент это было лучшее из того, что я умел рисовать.

Когда я пришел в мастерскую, выяснилось, что, помимо учителя, там были еще двое. Один — типичный творческий интеллигент лет тридцати в стильных очках, второй — томный, меланхоличный красавчик, на вид чуть старше меня.

Если добавить к ним самого профессора — импозантного, благообразного старика с врожденным аристократизмом, — то получалось, что во всей студии я один выглядел как неотесанный деревенский парень.

Этого очкарика-интеллигента я знал. Он преподавал в нашем университете какие-то необязательные дисциплины, связанные с искусством, и, по слухам, его картины уходили за приличные деньги.

Меланхоличного красавца я тоже мельком знал. Он учился на два курса старше и носил негласный титул главного школьного принца, или как там это сейчас называют. Пересекаться нам не доводилось, так что я не обращал на него внимания. Знал только, что по нему сохнут толпы девчонок.

— Дачуань, пришел наконец? Иди сюда, я вас познакомлю, — позвал старик.

Я поспешил подойти, и профессор представил нас друг другу.

— Это Чжоу Дачуань, со следующего семестра переходит на второй курс. Отныне он ваш младший соученик, — старик указал на парней. — А это твои старшие соученики. С Гопином вы, должно быть, знакомы. Он преподает у нас в университете, так что если возникнут трудности — смело обращай к нему как к старшему соученику.

Мужчина в очках, которого звали Дэн Гопин, приветливо улыбнулся:

— Привет, младший соученик. Если вдруг завалишь какой-нибудь экзамен, обращай, помогу договориться с преподавателями.

Я расплылся в улыбке, собираясь поблагодарить старшего соученика.

«Ого, а это полезное знакомство! Теперь и у меня есть связи!»

Но не успел я открыть рот, как получил от старика звонкий подзатыльник.

— Ах ты паршивец! Только попробуй у меня хоть один зачет завалить — шкуру спущу!

Дэн Гопин с сочувственным видом пожал плечами. Было очевидно, что крутой нрав профессора ему хорошо знаком, и вмешиваться он не рискнет.

— А это Юй Цзэ, твой второй соученик, — продолжил старик. — Он у вас председатель студенческого союза факультета. Вам определенно стоит держаться вместе и общаться почаще.

Хотя к этому признанному красавцу я особой симпатии не питал, причин для вражды у нас тоже не было. Поэтому я вполне дружелюбно обратился к нему:

— Привет, второй соученик.

Тот, однако, оказался натурой высокомерной и снизошел лишь до холодного кивка. Мне, признаться, сразу захотелось отвесить ему хорошего пинка, но из уважения к профессору пришлось закатать губу и сделать вид, что все в порядке.

В мастерской положено работать. Профессор усадил меня в сторонке, достал несколько репродукций с ярко выраженным индивидуальным стилем и велел делать копии.

Время от времени он склонялся над моим ухом, негромко поясняя: кто автор той или иной работы, в чем ее уникальность и почему мастер выбрал именно такое композиционное решение.

Старший соученик Дэн Гопин заканчивал работу над пейзажем. Картина была почти готова, и он наносил последние штрихи. Из ленивой беседы я узнал, что это полотно готовится для отправки в галерею.

Оказалось, дочь профессора вместе с мужем держит в Париже галерею с солидной историей, и работы как самого старика, так и Дэн Гопина выставляются именно там по эксклюзивному контракту.

Юй Цзэ в это время трудился над портретом: невероятно изящная юная особа лежала на земле среди живописно рассыпанных лепестков алых роз.

«А второй соученик, оказывается, скрытый романтик-тихоня, — подумал я. — Надо же, вырисовывает девицу в лепестках роз».

Не то чтобы я как-то предвзято относился к подобному жанру, просто сам по себе не люблю

слащавую «красивость», за которой ничего не стоит. Но справедливости ради стоило признать: владение кистью у Юй Цзэ было выдающимся. Пожалуй, в технике он обходил даже нашего старшего соученика.

Впрочем, это не мешало мне по-прежнему испытывать к нему подсознательную неприязнь. Ну не лежала у меня к нему душа.

Уходя, я улучил момент, когда никто не видел, и протянул два мешочка учителю:

— Профессор, эти мешочки сшила моя мама. Внутри наши деревенские защитные обереги. Это вам и наставнице Лу, по одному на каждого.

Старик принял подарок и с беззлобной усмешкой покачал головой:

— Ах ты сорванец, все в суеверия играешь. Но сшито на славу, передай своей матушке спасибо за заботу.

Я лишь весело усмехнулся и поспешил откланяться.

Вернувшись вечером домой, я застал в гостиной Фэн Мэй. Она сидела в полной тишине, бережно сжимая тонкими пальцами длинный мундштук. Над ним клубился едва заметный изумрудный дым. Нужно быть полным идиотом, чтобы принять его за обычный табачный перегар.

— Сестра Мэй, ты уже вернулась? — спросил я.

— Да, — негромко отозвалась она. — Где ты пропадал?

— В мастерской был. Я ведь теперь учусь живописи у одного известного профессора. Буду осваивать масляные краски.

— Это хорошо, — кивнула она. — Только не смей бродить где попало в одиночку, договорились?

— Знаю я все, знаю. Вот же, сразу домой пришел.

Я, признаться, ума не мог приложить, почему Фэн Мэй так трясется надо мной, вечно пытаюсь удержать в четырех стенах. Спрашивал об этом у сестры Бай и Сяобао, но те лишь плечами пожимали.

Наверное, мой великий предок, он же Второй наставник, с глазу на глаз дал ей какие-то строгие инструкции касательно моей безопасности.

Ближе к ночи я позвонил родителям и сообщил, что на летние каникулы домой не приеду. Объяснил, что профессор в начале учебного года отбывает в Париж и из-за этого решил устроить мне интенсивные индивидуальные занятия на все лето.

Шанс упускать было нельзя. Выслушав меня, мама пришла в полный восторг и тут же заявила, что в ближайшее время приедет в город, чтобы нанести визит вежливости моему новому учителю.

Я едва не взвыл и принялся судорожно ее отговаривать. Господи помилуй, мне уже сколько лет, а ко мне мамочка приедет с учителем знакомиться! Да меня же засмеют!

Кое-как удалось сторговаться на том, что я обязательно вырвусь домой на октябрьские праздники. Только тогда матушка сменила гнев на милость и оставила мысль о визите.

На следующее утро я проснулся рано и застал Фэн Мэй у окна. Она сидела на стуле, ее хрупкий силуэт мягко очерчивало контровое солнце, а сама она заворуженно смотрела на улицу.

Честное слово, мне порой казалось, что Фэн Мэй согласилась нянчиться со мной исключительно ради возможности беспрепятственно любоваться солнечным светом.

Как-никак, она была вековым табачным призраком. Прямые солнечные лучи не могли ее уничтожить, но находиться под ними долго обычным духам все же не стоило.

Но здесь, в моих стенах, дела обстоят иначе. Мой наставник лично установил здесь такую защиту, что любой дух из моего шаманского святилища мог свободно разгуливать по комнатам и наслаждаться жизнью без малейшего риска пострадать.

Глядя на расслабленную, умиротворенную Фэн Мэй, я поймал себя на странном ощущении дежавю. Ее лицо казалось мне смутно знакомым, будто я уже встречал ее давным-давно.

Но сколько ни напрягал память, вспомнить так и не сумел. В конце концов я просто отмахнулся от этой мысли. Она ведь писаная красавица — мало ли на какую актрису или модель она может быть похожа.

В наши дни все ухоженные красотки на одно лицо, черт их разберет.

На следующий день в мастерской дело пошло на лад. Стоило мне взяться за кисть, как я неосознанно погрузился в то самое трансовое состояние, когда весь мир вокруг перестает существовать.

Когда я наконец очнулся и пришел в себя, часы показывали одиннадцать вечера. В студии не осталось никого, кроме меня и этого высокомерного Юй Цзэ. Профессор ушел отдыхать по расписанию, а у Дэн Гопина с утра были лекции, так что он тоже отклонялся пораньше.

Осознание того, что я провел бок о бок с этим чистоплюем несколько часов, изрядно подпортило мне настроение.

Собрав вещи, я прошел мимо его мольберта и мимоходом заглянул в работу. Девушка на портрете казалась пугающе бледной, хрупкой, словно фарфоровая кукла, а лепестки роз вокруг нее горели густым, багровым цветом, поразительно похожим на свежую кровь.

Если честно, от этого полотна веяло легким безумием. Впрочем, среди художников сейчас модно заигрывать с подобной мрачной эстетикой.

Внезапно по коже пробежал озноб. Я поежился. Кондиционер работал на самую малую мощность, так что мерзнуть здесь было не с чего.

Из богатого жизненного опыта я отлично знал: если вокруг внезапно и без причины веет могильной прохладой — жди гостей с того света.

Недолго думая, я призвал Небесное око. И точно! Прямо у локтя Юй Цзэ стоял призрак молоденькой девушки в сине-белой больничной пижаме. Она с явным раздражением уставилась на холст, и именно от нее во все стороны расходился этот леденящий сквозняк.

Что еще за новости? Я недоуменно нахмурился. К счастью, сегодня со мной увязался Сяобао, а уж этот проныра никогда не упускал возможности сунуть нос в чужие дела.

"Сяобао, что за дела? — мысленно обратился я к нему. — Откуда здесь этот призрак, и почему ты молчал?"

Хуэй Сяобао мысленно фыркнул, наградив меня презрительным взглядом:

"Да ты когда за кисть берешься, вообще ни на что вокруг не реагируешь! Я пытался до тебя докричаться — бесполезно. Лучше сам посмотри на нее повнимательнее. Не замечаешь сходства с девицей на картине?"

Я перевел взгляд с холста на саму гостью и быстро сравнил их лица. Сходство было абсолютным, один в один! А вот характер угадывался совершенно иной.

На картине томилась бледная, увядающая лилия, в то время как живой образ покойной напоминал озорной, яркий подсолнух.

Заметив, что я смотрю прямо на нее, девчушка радостно подбежала ко мне, но остановилась в полшаге:

— Ой, ты меня видишь? Ничего себе! А почему ты весь светишься? И свечение какое-то золотисто-желтое... Ты что, жутко любишь деньги?

Ну и дела. Мало того что при жизни она явно была егозой, так еще и язык у нее без костей.

Я демонстративно закатил глаза и развернулся к выходу. Юй Цзэ все еще стоял у своего мольберта, и начини я сейчас беседовать со стеной, он бы незамедлительно вызвал мне санитаров.

Стоило мне развернуться, как со стороны Юй Цзэ донеслось презрительное фырканье.

Я мысленно дал себе затрещину. Ну надо же было так не вовремя скривиться! Вторым соучеником наверняка решил, что это я ему рожи строю. Какая глупая вышла сцена.

Но не бежать же мне теперь с извинениями к этому гордецу. Ладно, пускай думает что хочет, корона с меня не упадет.

Маленькое привидение порхало вокруг меня, продолжая без умолку трещать над ухом. Похоже, бедняжка уже целую вечность ни с кем не разговаривала.

— Ты экзорцист, да? Или даосский мастер? Ладно, неважно! Слушай, ты не мог бы передать этому противному красавчику, чтобы он не рисовал меня такой замученной? Выглядит просто ужасно, я на себя вообще не похожа!

— Вы знакомы? — тихо спросил я, когда мы наконец вышли на безлюдную ночную улицу.

Судя по ее чистому духовному телу, в ней не было ни капли злобы или обиды. По-хорошему, такие души сразу отправляются в преисподнюю Дифу. Почему же она все еще блуждает в мире живых?

— Да нет, мы не знакомы! — замахала ручками она. — Просто моя мама попросила его написать мой портрет, чтобы у родителей осталась память обо мне. Наверное, мама как-то не так меня описала, раз этот симпатичный братец изобразил меня такой унылой. Совсем некрасиво!

Я про себя усмехнулся. Скорее всего, у Юй Цзэ просто выиграло пресловутое «авторское

видение», и он решил нагнать побольше меланхолии ради пущего драматизма.

— Вообще-то я очень люблю портреты! При жизни всегда мечтала, чтобы кто-нибудь написал меня маслом, но я постоянно лежала в больнице и не могла никуда выйти. А когда меня не стало, мама взяла мои фотографии и пошла к этому художнику. Но мне совсем не нравится его вариант, это не я! Ой, слушай... ты ведь тоже художник, правда? Нарисуешь меня? Ну пожалуйста!

Маленькая покойница сопровождала меня до самых дверей дома, не умолкая ни на секунду. Удивительно, как ей удавалось сохранять такой оптимизм. Она прекрасно понимала, что мертва, но в ее душе не было ни следа той тяжелой, удушливой злобы, которая обычно привязывает духов к земле. Это была большая редкость.

Стоило нам переступить порог квартиры, как гостя так и застыла, уставившись на Фэн Мэй. Она замороженно подошла ближе:

— Вау... Сестрица, какая же ты красивая! Меня зовут Гэ Сяокуй, а тебя?

— Фэн Мэй. Здравствуй, — на удивление мягко отозвалась та.

Глазам своим не верю! Фэн Мэй действительно заговорила с этой пигалицей? А ведь духи из свиты Чистого ветра в один голос твердили мне, что у нее ледяной нрав и допроситься у нее хотя бы слова — задача почти невыполнимая.

— Сестрица Фэн Мэй, ты просто невероятная! Ты тоже ждешь, пока этот братец тебя нарисует? Мы только сегодня познакомились. Я так мечтала о собственном портрете при жизни, и надо же — стоило умереть, как я встретила его! Теперь моя мечта точно сбудется.

Я ошеломленно воззрился на разошедшуюся гостью.

«Позвольте, а когда это я успел дать согласие на портрет? Что-то память мне изменяет».

— Вот как? — Фэн Мэй слегка улыбнулась. — У нашего шамана-практика Дачуаня действительно незаурядный талант. Попроси его, пусть изобразит тебя во всей красе.

Гэ Сяокуй радостно закивала:

— Сестрица Фэн Мэй, ты совершенно права! Я ведь за всю жизнь так ни разу и не увидела море... Пусть братец нарисует меня на песчаном пляже у самой воды, это будет потрясающе!

Я переводил свирепый взгляд с одной на другую.

«Да я и сам-то море от силы раз в жизни видел! И вообще, с какой стати вы все решили за меня?!»

<http://bllate.org/book/20253/2202038>